

Г. М. Дерлугьян

**АРМЕНИЯ
НА ВЫХОДЕ ИЗ ПОСТСОВЕТСКОЙ
РЕСТАВРАЦИИ:
АНАЛИЗ ВОЗМОЖНОСТЕЙ**

Москва
Университет Дмитрия Пожарского
2017

УДК 323.22/.28

ББК 60.55.51

Д36

Подготовлено к печати и издано по решению
Ученого совета Университета Дмитрия Пожарского

Дерлугьян, Георгий Матвеевич.

Д36 Армения на выходе из постсоветской реставрации: анализ возможностей. — М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2017. — 272 с.

ISBN 978-5-91244-196-7

Спустя четверть века после распада СССР остается актуальным вопрос о перспективах и потенциальных возможностях бывших советских республик. Российско-американский социолог Георгий Дерлугьян — автор данной книги — находит основания для оптимизма, сопоставляя пример Армении, своей исторической родины, с хорошо изученными траекториями модернизации на Западе и в Восточной Азии. По его мнению, несмотря на то, что политическое поле подобно скорее нардам, чем шахматам, ситуация позволяет оказывать стратегическое влияние на формирование режима ускоренного экономического роста в отдельно взятых странах.

Книга написана в доступной форме. Статьи, собранные под одним корешком, посвящены недавней истории Армении и перспективам ее развития. Одна из статей приводится с переводом на армянский язык. Издание будет интересно широкому кругу читателей.

УДК 323.22/.28

ББК 60.55.51

© Дерлугьян Г. М., текст, 2017

© Касабян А., перевод на армянский язык, 2017

© Горева Е. А., дизайн и оформление обложки, 2017

© Русский фонд содействия образованию и науке, 2017

ISBN 978-5-91244-196-7

Содержание

Предисловие	4
Двадцать пять лет постмодерна на Кавказе	9
Революция не по Марксу, а по Веберу	10
Реально существующий модерн	14
От периферии к центру внимания (и обратно).....	20
Энергетика и протесты	28
История межнациональных трений.....	30
Постсоветские «Цветные» революции	34
Современность древней страны	38
Наковальня	44
Отцы и дети	47
Бойкот маршруток.....	54
Баррикады на Баграмяна	59
Перспективы и перспективы.....	64
Предпосылки экономического роста в Армении с точки зрения макросоциолога: прагматика с необходимой долей оптимизма	68
Армянский бунт.....	70
Метод и цели.....	74
Социология коллапса	77
Элиты.....	87
Чикаго.....	90
Три классических источника элитных страхов	93
Д'Артаньян против Макиавелли	98
От военно-налоговой машины к социальному государству.....	104
Сосчитаем наши благословения	108
Глобализация и острова роста	113
Чего хотят все капиталисты	118
Дэн Сяопин, китайский Микоян	121
Государство направляющего развития	130
Модель для самостоятельной сборки.....	140
Вардапет. Вместо эпилога	153
Приложение. Հայաստանում տնտեսական աճի նախադրյալները մակրոսոցիոլոգի տեսակետից. լավատեսության անհրաժեշտ նրբերանգով իրատեսություն	168
Информация об авторе	263

Предисловие

За четверть века после распада СССР изменилось все – или не изменилось ничего? Сегодня у нас есть Интернет, айфоны и Фейсбук. Но разве через них не тиражируются те же самые эмоции и риторика, что питали перестроечную критику «административно-командной системы» и ельцинскую «борьбу с привилегиями» элит?

Моя эмигрировавшая в Европу однокурсница-азербайджанка (старых друзей с советских времен я ценю особо) рассказывает, как неожиданно ее сын воспринял большую черно-белую фотографию из семейного альбома, на которой она, некогда юная отличница одной из самых элитных школ Баку, наряженная по случаю Первомайской демонстрации в парадную школьную форму, с белыми бантами в косах, преподносит огромный букет цветов самому Гейдару Алиеву, стоящему на гранитной трибуне у подножия монумента Ленину. Выросший в Европе сын прокомментировал эту сцену с жалостью и восхитительно ложным пониманием: «Мама в коммунистические времена была такой бедной, что ей приходилось продавать цветы».

Спору нет, что-то изменилось до неузнаваемости, особенно для выросшей с тех пор молодежи. Надо сказать, что с тех пор и сам я стал американским профессором, пишущим книги и читающим лекции по-английски, что из восьмидесятых годов казалось довольно невероятным. Происходившее в годы перестройки на Кавказе и по всему СССР было описано и аналитически объяснено в более

ранней монографии на английском и впоследствии на русском¹.

С советских времен изменились, конечно, политические структуры нашего района мира, хотя и в них наблюдается значительная историческая преемственность с выраженными национальными особенностями. К примеру, Азербайджан, где по-прежнему парадными командует Алиев, сегодня куда больше напоминает шахский Иран семидесятых годов XX века. А тем временем Белоруссия на новой исторической стадии воспроизвела единственную подлинно свою политическую традицию, сложившуюся после 1945 г. с приходом во власть поколения партизанских «батек» во главе с Кириллом Мазуровым и Петром Машеровым. Политические дилеммы и динамика современной России поразительно точно описаны в письмах Александра II князю А. И. Барятинскому. В данном ряду возникшая сегодня в Армении политическая и социальная ситуация представляет собой своеобразный, узнаваемо армянский вариант постсоветской реставрации в рамках общих тенденций.

Историческая преемственность политических структур и культур бывших советских республик задается фундаментальным фактором. В 1991 г. произошла революция — и в то же время революция не произошла. Революции состоят из нескольких очень разных частей, которые, как настаивают современные теоретики, следует различать². Сначала, на этапе «революционной ситуации», старый режим теряет легитимность и внутреннее самообладание, затем рушится

¹ *Derlugian Georgi*. Bourdieu's Secret Admirer in the Caucasus: A World-Systems Biography. University of Chicago Press, 2005; русский вариант: *Дерлугьян Г. М.* Адепт Бурдьё на Кавказе. Миросистемная биография. М.: «Территория будущего», 2010. URL: http://apsnyteka.org/611-adept_burdje_na_kavkaze.html

² *Голдстоун Джек*. Революции. Очень краткое введение. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. URL: <http://ier.ru/ru/dzhek-goldstoun-revolutcii-ochen-kratkoe-vvedenie.html>

государство и возникает хаос. В классическом виде это Россия с 1905 по конец 1920 г. Завершаются же процессы трансформации только с оформлением нового устойчивого порядка, или «революционного результата» (*revolutionary outcome*). В СССР относительную устойчивость новый режим приобрел лишь к 1943 или даже 1953 г., хотя такие датировки всегда спорны. В любом случае между первой и последней стадией революций как правило пролегают годы, полные переворотов и острых интриг, но также временных реставраций, вдруг удивительным образом напоминающих прошлое, хотя и в усеченном, «инволюционном» виде. Вероятно, мы находимся в подобной фазе временных стабилизаций и, судя по многому, ближе к их исчерпанию. Что-то еще будет.

Главная опасность видится сейчас в общественном пессимизме, доходящем до депрессии. Полтора столетия назад великий русский ученый и революционер, «князь-анархист» Петр Кропоткин сформулировал исторически наблюдаемую закономерность: там, где царит беспросветное отчаяние, случаются только бунты; революционные прорывы к новому происходят на волне исторической надежды³.

Отсутствие в общественном сознании сколь-нибудь реальной надежды оборачивается вспышками популистского озлобления и острого желания наказать кого-нибудь «антинародного»: элиты, чужаков, иностранных махинаторов. Это общемировая тенденция, представленная на некогда благополучном Западе едва ли не более ярко, чем в Восточной Европе. И этому надо противостоять; в противном случае история может сорваться в который уж раз на повторный круг. Противостояние не только в риторике, а на деле требует последовательной и доказательной демонстрации наличия более оптимистичных вариантов выхода из ситуации.

³ Кропоткин П. Великая французская революция 1789–1793. Лондон, 1909

В социальных науках имеется сегодня неплохое понимание того, как из кризисов возникали восходящие траектории отдельных государств и регионов мира. Иначе говоря, как из хаоса появлялся порядок. Не могу обманывать читателя заверениями, что все получится к лучшему. Я лишь утверждаю, что в нашем районе мира, наряду с перспективой очередного краха и разрухи, о чем я не хочу говорить, существует также достаточно реальная возможность добиться уже в ближайшее время более эффективных вариантов, скажем честно, капитализма и государственной власти⁴.

Поэтому в основной статье этого небольшого сборника анализ конкретных предпосылок экономического роста Армении дается через призму множества других ситуаций, из анализа которых дистиллировались наши теории: примеров абсолютистской Франции и Англии в эпоху первой Индустриальной революции, Южной Кореи и Сингапура, но также менее удачных примеров Филиппин и Индии. Где-то будут фигурировать даже выводы приматологов, изучавших стайное поведение обезьян, и как это соотносится с последними догадками о происхождении религии в человеческих обществах.

Читать эту книгу можно в каком угодно порядке, хотя все-таки лучше последовательно, главу за главой. Текст написан преднамеренно доступным языком, но

⁴ На возражения социалистов или либертарианцев скажу, что речь идет о ближайшем историческом горизонте трех-пяти лет. Возможный крах капитализма и отмирание государства прогнозируются не ранее, чем серединой нынешнего столетия. Научно-фантастическую перспективу, в которой все мы киборги, оставляем футуристам, но озадачим их все-таки неудобным вопросом: сколько будут стоять и кому будут принадлежать роботы? *Валлерстайн Иммануил, Коллинз Рэндалл, Манн Майкл, Калхун Крэг и Дерлугьян Георгий*. Есть ли будущее у капитализма? М.: Издательство Ин-та Гайдара, 2015. URL: <https://www.facebook.com/anashvili/posts/741795035906030>

с библиографическими сносками для того, кто захочет узнать больше. Трудные места все-таки могут встречаться, поскольку я не литератор, а исторический социолог. Да и все яркие названия для книг уже использованы — «Раны Армении» в XIX веке или «Уроки Армении» в конце XX века.

И последнее по счету, но не по значению — как говорится по-английски, *last but not least*. Какую роль играет тот факт, что моя фамилия имеет характерное армянское окончание *-ян*? Конечно, играет. Иначе бы писал не об Армении, а о чем-то другом. Надеюсь, это влияет не на качество анализа, а на выбор предмета анализа. Впрочем, армянин я не вполне настоящий — или, напротив, самый настоящий, потому что родился в России, профессором стал в Америке, преподаю в Арабских Эмиратах, а в Ереване уже дважды ремонтировал квартиру. Посвященные в процедуры современной социальной науки, вероятно, заметят, что требования рефлексии по поводу авторства текста соблюдены в последней главке, о вардапете, хотя и не в самой строгой форме.

Особую благодарность я приношу Анжеле Касабян, а также Тиграну и верховному авторитету стиля — Рубену Соломоновичу, или просто дедушке Рубику. Благодаря их усилиям моя не самая простая проза зазвучала теперь и на языке исторических предков по отцовской линии. Также большая благодарность Роману Порошину и Издательству Университета Дмитрия Пожарского за согласие опубликовать данный сборник.

Абу-Даби,
жарким днем 24 ноября 2016 г.

Двадцать пять лет постмодерна на Кавказе

Культурологи и теоретики литературы называют в качестве признаков постмодернистского стиля текучесть форм, разрыв между означаемым и означающим, причудливое смешение разных эпох и жанров а-ля пастиш и не в последнюю очередь пронизывающую все иронию. В таком случае мало какая деревня сравнится по показателям постмодерна с кавказским селением Садахло, расположенным на перекрестке границ Армении, Грузии и Азербайджана.

В советские времена этот пограничный переход называли символом дружбы народов. Ныне же Садахло выглядит скорее как «Чекпойнт-Чарли», легендарный контрольно-пропускной пункт между западным и восточным секторами Берлина времен Холодной войны. С одной стороны стоят бравые парни в американской военной форме песочно-пустынной камуфляжной расцветки с винтовками М-16. Это грузинские пограничники. Их выдают характерные кавказоидные носы и легкая небритость смуглых лиц. На их спецаппаратуре, используемой для просветки хозяйственных сумок и узлов толпящегося на границе народа, красуются большие круглые наклейки с американским орлом и надписью «*U.S. Department of Homeland Security*». По другую сторону шлагбаумов стоят тоже слегка щетинистые и носатые мужчины кавказоидной наружности в узнаваемо советской форме, с «калашниковыми» на простом брезентовом ремне. Это армянские пограничники. Армения — союзница России, и причина тому кроется буквально за ближайшим холмом, где в своих окопах, капонирах и дотах сидят азербайджанские солдаты-аскеры, обученные и экипированные их

турецкими собратьями. Мимо них по старому советскому шоссе из Тбилиси в Ереван лучше не проезжать — в Азербайджане уделяется большое внимание подготовке снайперов. Безопаснее будет свернуть на ухабистый горный серпантин на противоположном склоне.

Армяно-азербайджанская война из-за Нагорного Карабаха — своего рода постмодернистское продолжение старинной череды русско-османских баталий — длится с переменными обострениями с 1991 г., и конца ей не видно. Грузины взирают на это без особого сочувствия к обеим сторонам. У них свои затяжные конфликты с Абхазией и Южной Осетией, отделившимися после 1991 г. под покровительством России. Так что грузины теперь по форме почти американцы. Парадоксальным следствием этой закрученной кавказской геополитики стала массовая, по меркам небольшой кавказской страны, отправка грузинских войск в Афганистан и Ирак на поддержку американской оккупации. В Ираке грузины под конец даже составляли второй по величине иностранный контингент после армии США. Со своей стороны, Пентагон проявил определенное чувство юмора, придав грузинским подразделениям советников из состава частей Национальной гвардии американского штата Джорджия (по-английски Грузия ведь тоже *Georgia*).

Иронии постмодерна пронизывают образы и пространства селения Садахло. Как же мы дошли до жизни такой?

Революция не по Марксу, а по Веберу

Модерн, впервые возникший на Западе в Новое время, был эпохой исторического оптимизма и героической веры в разумное переустройство мира. Прогресс человечества двигали коллективная воля и научный план. И как было в это не поверить, когда по океанам теперь плавали пароходы целиком из железа и изобретались антибиотики,

победившие чуму и чахотку? Прогресс был осязаем. С прогрессом приходило не только избавление от векового голода и болезней, но и социальное равноправие.

Постмодерн, в таком случае, можно определить без особого философствования как наступление периода повсеместного разочарования в грандиозных схемах улучшения мира. Дух эпох менялся не столько в силу текучести художественных стилей и коллективных восприятий, сколько из-за невыносимого осознания того, что механистические структуры бюрократии – по сути, верховное олицетворение планомерности модерна – подмяли под себя и рациональность, и коллективную волю людей.

Сегодня приходится напоминать, что первыми вызов официозному лицемерию бросили всевозможные движения «Новых левых». Они требовали, по сути, тех же идеалов модерна, но только «с человеческим лицом». Отрицание «Системы» – будь то советской или американской – началось молодежными протестами 1968 г. и продолжалось вплоть до движения «Оссуру» и «Арабской весны» 2011 г. Однако исторический пик антисистемного отрицания пришелся на грандиозную волну 1989 г., захлестнувшую коммунистические режимы от Берлина до Пекина.

Спонтанные скоротечные революции обернулись провалами, которые очень многие предпочли бы забыть. Советская перестройка была забыта еще быстрее, чем она началась и длилась. После бури и натиска остались апатия, иррациональные надежды обрести аутентичность и целостность в религии или национализме, либо поиски рыночной самореализации в либертарианских (и по духу очень русских революционных) фантазиях культовой американской писательницы с загадочным псевдонимом Айн Рэнд.

В самом деле, классические модернистские теории революции – будь то марксизм, анархизм или либерализм Токвиля – в новую эпоху противостояния человека бюрократическим машинам более не давали ни мобилизующей

и воодушевляющей идеологии, ни программы политического действия.

И все-таки социальная мысль модерна далеко не вся утратила актуальность. Конфликтная экономическая теория Маркса остается значимой, пока существует капитализм. Неоклассические модели эконометрики, алгеброй поверяющие идеологическую абстракцию гармоничного рыночного равновесия, сознательно и нереалистично игнорируют конфликтную природу рынков и власти. Так что Маркс сохраняет актуальность, по крайней мере на макроуровне.

Но наиболее актуальным классиком стал, как ни удивительно, вроде бы совсем академичный Макс Вебер — первопроходец теорий бюрократии, иерархии и статусных групп (тех самых «идентичностей»). Да, именно того, что было в центре отрицания «Системы» начиная с 1968 г. Если революции эпохи индустриального модерна были преимущественно революциями по Марксу, то антисистемные протесты эпохи «постиндустриального постмодерна» вернее всего будет признать революциями по Веберу. И тогда, возможно, отпадает неловкая необходимость ко всему приделывать приставки пост-. Становится понятно, что в позднем, глобальном, или очень «развитом» капитализме колоссально возросший размах общественных структур и процессов далеко превзошел возможности и масштаб отдельной личности, будь то даже короля, президента или миллиардера. Миром машин должны править машины управления, т. е. бюрократии. Но человеку не нравится механистический мир и машинная стандартизация всего — в том числе его личности, идентичности, национальной культуры.

Отличие восстаний времен постмодерна от бунтов и революций прошлого лежит на поверхности — не голод и не рабство гонят людей на демонстрации. Людям нестерпимо хочется доказать Системе, или бюрократической машине, что они люди и рождены обладать достоинством.

Вместо эпохи штурма Бастилии или Зимнего наступает эпоха широких и мирных гражданских движений, стратегически стремящихся высвободить социальное из «стальной клетки бюрократии». Многочисленные ранние поражения революций эпохи постмодерна — как и многие достижения, которые мы склонны принимать за данность и не замечать — нам предстоит заново анализировать под углом социологии массовой политики вместо морализаторских обвинений, которые не только обидны, но и водят нас по заколдованному кругу. А думать надо над тем, что могло бы оказать на «Систему» более действенное влияние, нежели символический уличный перформанс.

Теоретическая работа по воображению реальных управленческих альтернатив на самом деле есть самый практический пункт в глобальной повестке. Если прежние структуры управления современным обществом внезапно начинают рушиться в момент кризиса, как это случилось с советским блоком после 1989, то какого рода альтернативная самоорганизация сможет предотвратить хаос и утрату достижений модерна? Капитализм сегодня теряет динамизм в череде созданных им самим кризисов. Первые массовые реакции, как водится, элементарно реакционны. Сталкиваясь с экономическими неурядицами, наплывом беженцев, терроризмом и непонятными войнами, люди отчаянно хватаются сами оборонять или восторженно поддерживать популистских вождей, обещающих оборонять то, что издавна свое, и заодно только со своими. Но при всей эмоциональной силе родственных, этнических и религиозных связей, это явно не решение глобальных проблем.

Парадокс наших дней в том, что более обнадеживающие альтернативы требуют сохранения достижений модерна, в том числе какой-то новой формы бюрократической организации. Экзотический Кавказ, быть может, и кажется далеким от глобальных центров, однако здесь все эти парадоксы выглядят очень рельефно.

Реально существующий модерн

Постмодернистские иронии Садахло восходят к провалу попытки Михаила Горбачева модернизировать советский строй с добавлением, как он выражался, «человеческого измерения».

Когда-то Советский Союз создала организационно и идейно сплоченная группировка радикальной интеллигенции, называвшейся большевиками. Среди этих левых интернационалистов, взявшихся изменить весь мир, были русские, евреи, латыши, татары, армяне, азербайджанцы и грузины, включая, конечно, Сталина. Отвоевав в Гражданской войне территории бывшей Российской империи, большевики, сами того не ожидая (они-то ждали мировой революции из Германии, Китая и британской Индии), создали в итоге удивительный гибрид – революционную сверхдержаву. В этом, да и во всем остальном большевики далеко превосходили своих предтеч, французских революционеро-якобинцев, и самого Наполеона, первого революционного императора. Столь невероятный успех нельзя объяснить только военной силой Красной армии. Большевики несли в высшей степени привлекательную модернистскую веру в индустриальное развитие как решение всех социальных и этнических проблем. Мой коллега Стивен Хэнсон метко заметил, что большевики стали тем, что не мог вообразить и сам Вебер: харизматической бюрократией.

Со временем революционная харизма большевиков поизносилась в жестких реалиях военной геополитики. Осталась лишь бюрократия и сверхдержава, полная военных заводов. СССР состоялся, а вот мировая революция – нет. Подвели немецкие товарищи и борющиеся индусы. Что делать дальше?

Сразу же после смерти Сталина в 1953 г. советские олигархические реформаторы стали искать путей к примирению с Западом и экономической реинтеграции с мировым

капитализмом. На короткое время развернулась настоящая гонка за то, кто быстрее вернет советскую экономику на рыночные рельсы и восстановит отношения с Западом — циничный технократ Лаврентий Берия (конечно, еще один грузин в советском высшем руководстве) или изворотливый хозяйственник Анастас Микоян (конечно, армянин). Как нередко случается в таких ситуациях, неожиданно для всех во внутреннем соперничестве победил глава громадного партийного аппарата и этнический русский с Донбасса Никита Хрущев. Микоян его поддерживал, понимая, наверное, что после Сталина второго кавказца во главе страны большинство населения едва ли потерпит. Но Хрущев оказался до взбалмошного гордым советским патриотом и вдобавок горячим романтиком научно-технического прогресса. Вот уж кто был убежденным модернистом! Баллистические ракеты и ядерное оружие дали Хрущеву надежду, что у него появилось, чем поугагать американцев ради признания СССР равной сверхдержавой, а химия и гидропоника питали хрущевские надежды на скорое коммунистическое изобилие без всяких уступок Западу.

Рыночно-примирительный выход из коммунистической военизированной модернизации реализовал в Китае Дэн Сяопин. В окружении Председателя Мао это был того же рода верный сторонник и осторожный прагматик, что и Микоян в сталинском окружении. Разница не в личностях, а в странах. Китай к началу своих реформ был намного беднее СССР и слабо развит индустриально-технически. Завиральность деклараций Мао Цзэдуна о революционном «ветре с востока» была слишком очевидна для его собственного окружения и партаппарата, членов которого регулярно с позором отправляли на перевоспитание в деревни. В конце 1970-х гг. китайских коммунистов обуревали какие угодно чувства, но точно не хрущевский оптимизм и вера в науку.

Однако главное различие между путями СССР и Китая не внутреннее, а внешнее. Это американские соображения

времен Холодной войны. В 1970-е гг. Вашингтон пошел на сближение с маоистским Китаем вовсе не ради торговых прибылей. Какая могла быть прибыль от голодающей перенаселенной страны, едва пережившей безумные маоистские эксперименты? На фоне крайне болезненного для Америки поражения во Вьетнаме, привлечение на свою сторону коммунистического Китая выглядело своего рода реваншем и создавало дополнительную стратегическую угрозу позициям СССР на востоке. Но это, вероятно, не единственная стратегическая причина. В 1970-е гг. в Вашингтоне на втором месте после атомной войны с СССР шли опасения вероятных последствий прочного мира с СССР. Если бы СССР удачно провел свои экономические реформы и установил (к чему дело и шло) широкое деловое сотрудничество с корпорациями и правительствами Франции, Италии и Германии, то что бы оправдывало сохранение блока НАТО и в целом послевоенного главенства США в Европе?

СССР, впрочем, и сам был пленником сверхдержавного статуса, воплощенного в его военно-промышленном комплексе и буферной зоне в Восточной Европе. Видя здесь главные помехи своему курсу на экономическую интеграцию с центрами капитализма, Горбачев выказал готовность поступиться и стратегическими ракетами, и обременительными союзниками от Афганистана до Польши. Горбачев играл в быстрый размен фигур, надеясь добиться прекращения разорительной для СССР гонки вооружений и в очередной раз ввести Россию в Европу (теперь со всеми остальными республиками), прежде чем его самого смогут съесть консерваторы из партийных органов, армии и ВПК. Но споткнулся Горбачев там, где не ожидал никто.

На внутреннем фронте под разоблачительные залпы гласности Горбачев вел дело в массовой замене старых партийных кадров на молодых реформаторов, обязанных политической карьерой лично ему и готовых в ближайшей перспективе стать менеджерами совместных советско-германских,

советско-японских и прочих советско-капиталистических предприятий. Под видом гласности и обновления социализма фактически возродилась в снятой форме сталинская практика массовых чисток и критики «зачванившихся» чиновников. В отсутствие рынков, не свободной, а хотя бы разнообразной прессы, оппозиционных партий и прочих типично западных институтов ни один генеральный секретарь не мог управлять такой машиной иначе как чисткой и кампанейщиной. Партийной номенклатуре был нанесен сокрушительный удар — кто бы решился сопротивляться генеральному секретарю в условиях все еще тоталитарных советских институтов? В то же самое время, кто бы на Западе и в самом СССР мог осудить развернувшуюся демократизацию? Но в итоге Горбачев переиграл и самого себя.

Не ведая того, армяне первыми выявили противоречивость горбачевской перестройки. По правилам гласности обвиняя во всем давно умершего Сталина, группа официально высокостатусной, вполне лояльной армянской интеллигенции обратилась к Москве с просьбой передать Армении небольшую Нагорно-Карабахскую область. Хотя с древних времен эта земля была армянской, и армяне составляют большинство населения, Нагорно-Карабахская область по непонятной сталинской прихоти с 1921 г. входила в состав Азербайджана. Казалось бы, сугубо внутреннее дело небольшого изменения административных границ двух соседних республик СССР.

Москве, занятой изменением курса сверхдержавы, было не до Карабаха. Где этот ваш Карабах, когда тут звонит президент Рейган? Но ситуация стремительно выходила из-под контроля. Начиналось со всевозможных открытых писем, публицистической гонки за все более ярким эпитетом, со все более решительных заявлений в Баку, Степанакерте и Ереване, с петиций и контрпетиций, митингов и контрмитингов, пока в Азербайджане в 1988 г. не прокатилась волна этнических погромов. Такого не видели уже почти

три поколения; резня, казалось, осталась где-то за порогом современности, вместе с эпидемиями чумы. Азербайджанцы выглядели растерянно, армяне первое время совершенно не знали, что делать — но Горбачев упустил момент вмешаться и подавить конфликт, когда это было еще возможно. Помня о судьбе Хрущева, больше всего Горбачев боялся заговоров в собственном окружении и прихода силовиков в политику. Но в таком случае Горбачеву оставались лишь увещания, поскольку денег в бюджете тоже не оставалось. Очень скоро в Армении и Карабахе стали возникать отряды национальных партизан. Спецподразделения полиции Азербайджана фактически становились контрпартизанскими силами. Две до сих пор лояльные Москве советские республики оказались в состоянии войны задолго до формального роспуска Советского Союза. Коммунистические начальники по обе стороны конфликта пребывали в растерянности; на бушующих под окнами митингах их обвиняли в бессилии, коррупции и предательстве. Война вызвала революцию.

Горбачев встал перед неразрешимым выбором. Попытайся он предпринять полномасштабные репрессии по-сталински, это разрушило бы его надежды на европейскую интеграцию. А без этой интеграции не было никаких надежд купить время. Перестройка ведь сама была вызвана в первую очередь хроническим понижением темпов роста и бюджетным кризисом, возникшим из-за стагнации в переинвестированной советской промышленности, плюс внезапного падения мировых цен на нефть. У советского реформатора не оказалось ни кнута, ни пряника, а его знаменитые увещания и обещания стали производить обратный эффект, лишь раздражая слушателей. Армянское национальное движение и азербайджанская реакция на него первыми и совершенно неожиданно для всех показали, что у Москвы на тот момент власти уже не было. После чего сверхдержава рассыпалась уже со всех сторон.

Карабахский конфликт перенес радикальный национализм из диссидентского подполья в самый центр нового политического репертуара. Горбачевские полумеры теперь все более усугубляли обстановку. В Тбилиси в апреле 1989 г. советских десантников, возвращенных из Афганистана, отправили разогнать круглосуточный митинг в защиту прав грузин в Абхазии, еще одной советской автономии. В итоге сотни раненых, двадцать убитых, притом женщин — и Горбачев, неправдоподобно открещивающийся от принятия решения о применении силы. Возмущенная Грузия в одночасье стала неуправляемой. Увы, после апреля 1989 г. Грузия еще почти два десятилетия будет оставаться неуправляемой. В ходе череды потрясений Грузия теряла территории, население и до 75% валового внутреннего продукта (ВВП). Это негативный рекорд экономический разрухи среди всех постсоветских стран.

Но почему в трех странах Южного Кавказа крушение советской власти в результате демократических национальных революций обернулось затяжными войнами и разрухой? Стандартные сетования на многоэтничность не выглядят достаточным объяснением.

Действительно, Кавказ есть лингвистическое и антропологическое чудо, своего рода заповедник эндемичных культур. С древности окруженный великими империями, Кавказ тем не менее всегда оставался неподатливым камешком между жерновами мировой истории. Однако этническое разнообразие само по себе не является роковым препятствием для развития. Где-нибудь в Восточной Европе, в районе Польши, Литвы или легендарной Трансильвании, этнические конфликты не взорвались во время распада социалистического блока, хотя исторически для этого были, казалось, еще более грозно довлеющие предпосылки. Честно скажем, город Степанакерт не важнее Львова и Вильны/Вильнюса, которые до 1939 г. принадлежали Польше, а венгров в сопредельных странах жило не меньше, чем

в самой Венгрии. И тем не менее жители стран Центральной Европы мирно стали гражданами Евросоюза. Возможно, как раз в этом и заключается главный фактор мира при переходе от советской империи к демократии.

От периферии к центру внимания (и обратно)

Вопреки метафоре «мост между югом и севером, западом и востоком», Кавказ на самом деле небольшой и экономически малозначимый район мира. Исключения составляют разве что нефте- и газопроводы, за контроль над которыми борются Россия, Запад, Турция и следящий за всем этим Иран. Для советских плановиков Кавказ также не был приоритетным регионом (опять-таки, за частичным исключением нефтедобычи в Баку). Главные промышленные объекты СССР располагались намного севернее, где-то между Донбассом и Уралом. Тем не менее в огромном и по большей части холодном СССР у Кавказа было одно особое преимущество: теплый и достаточно благодатный климат.

Рулевым советской экономики редко позволялось отвлекаться на такие мелочи, как снабжение истосковавшихся по солнцу жителей северных промышленных городов свежими фруктами и виноградными винами. Эту неформальную и практически бездонную рыночную нишу в советские времена заполнили предприимчивые кавказцы. Полуконтрабандное снабжение северян приносило региону изрядные доходы, пусть и распределенные географически очень неравномерно. Все-таки далеко не везде на Кавказе растут мандарины и виноград. Денежные потоки и целые фонтаны, образовавшиеся из кавказской (прежде всего грузинской) фруктовой и курортной монополии, вскормили целую иерархию коррупции среди чиновников, милиции, цеховиков, воров в законе, вплоть даже до простых

крестьян. Конечно, «наверху» в Москве знали, но обычно мирились с Кавказом как своего рода Сицилией – землей вин, песен, вкусной еды и мафии.

В героические годы индустриализации советский государственный аппарат под командованием большевистских комиссаров был больше, чем бюрократией в веберовском рационально-законном понимании. От комиссаров постоянно требовалось делать невозможное, и они делали! Однако сила воли намного успешнее идет к победам, если за ней стоят некие неформальные связи и ресурсы. Идеологический командный волюнтаризм и в то же время товарищеская неформальность в кругу своих всегда составляли секрет советской управленческой иерархии. Большевистский клич «Даёшь победу!» в повседневности уравнивался цитатой из молодого Маркса: «И ничто человеческое нам не чуждо».

Когда сила воли вымерла вместе с революционной идеологией, и наступил длительный и весьма комфортный период советского застоя, номенклатурные наследники комиссаров стали чем-то гораздо меньшим, чем рациональная веберовская бюрократия. То скрытое внутреннее пространство, в котором действовали неформальные нормы и договоренности, постепенно заполнилось кумовством и коррупцией. На Кавказе этот деморализующий процесс пошел глубже. Доходы от неформальных рынков развратили госаппарат. Когда Горбачев (и до него Андропов) решил перетряхнуть советскую систему сверху, морально разложившаяся кавказская номенклатура впала в страх, зная, что им всем было, за что отвечать перед законом. Когда же бурные народные выступления разразились под их окнами, кавказские бюрократы разом утратили присутствие духа и просто разбежались. Контрреволюционное сопротивление было на изумление минимальным.

В результате власть по всему Южному Кавказу сначала досталась национальным радикалам из интеллигенции, успешно выступавшим на митингах. Но это продолжалось

около года или меньше. Только в Армении, где трибуны из интеллигентов возглавили волну победного патриотизма во время карабахской войны, они успели освоить неприглядный репертуар постсоветской политики. Яркий пример – Ваню Сирадегян, в прошлом неплохой детский писатель, ставший устрашающим шефом спецорганов, которому приписывается организация тридцати политических убийств и монопольный контроль над ключевым импортом горючего и продовольствия. С 2000 г. он в розыске Интерпола, пока безуспешно.

В Азербайджане поражение в войне привело к серии переворотов, искусно использованных бывшим генералом КГБ и членом Политбюро Гейдаром Алиевым. С возвращением старого Хозяина все как по сигналу улеглось, хотя и не без ряда странных событий и нераскрытых покушений. Бакинская нефть потекла на мировые рынки, а западные финансовые спекулянты с готовностью помогли раздуть инвестиционный пузырь. В пике Дубаю, Баку обзавелся суперотелями и постмодернистским Центром Гейдара Алиева, спроектированным самой Захой Хадид. В новостях из дворца – награждение первой леди страны Мехрибан Алиевой орденом Гейдара Алиева по указу президента Ильхама Алиева за спонсирование показательных спортивно-культурных мероприятий.

Примечательно, что в Интернете оспариваются даже такие базовые факты в загадочной биографии Гейдара Алиева, как даты и место его рождения и смерти. Умер ли Хозяин после или все-таки до перехода власти к его сыну Ильхаму? Усталый азербайджанский эмигрант как-то сказал мне в Стамбуле: «Не верьте, что мы один народ с турками. Они – государственная нация, а мы – семейно-клановая». Хотя это заявление выдает скорее горечь и отчаяние, нежели аналитическую четкость, новый Азербайджан просто пугающе походит на арабские режимы «пожизненных президентов», какие до недавних пор существовали в Йемене, Ираке, Ливии, Сирии и Египте.

Политическая траектория постсоветской Грузии – страны неизменно своеобразной – следовала эксцентричному циклу, в начале которого каждый новый лидер провозглашался спасителем нации и мессией, а в конце изгонялся как злодей и шарлатан. Таковы были взлет и падение националиста-мистика Звиада Гамсахурдия в 1989–1992; возвращение Хозяина советских времен Эдуарда Шеварднадзе в 1992–2003; революционный прорыв младореформатора Михаила Саакашвили, ныне выступающего «анфан терриблем» уже украинской революции.

Объективно разобраться в результатах деятельности Саакашвили затруднительно. Его либо чрезмерно превозносят, либо чрезмерно клянут и зло высмеивают. Действительно, со свойственным ему гиперэнтузиазмом Саакашвили еще в былые времена принимал Дональда Трампа как инвестиционного гуру, а к визиту президента Буша-младшего назвал в его честь дорогу из аэропорта в центр Тбилиси. Однако инвестиционные мега-проекты остались миражами, и Грузия едва пережила войну 2008 г. в сепаратистской Южной Осетии.

О Саакашвили и его окружении обычно пишут как о «получивших западное образование» технократах, хотя правдивее было бы сказать, что, перескакивая с одних ускоренных курсов переподготовки кадров на другие, они успели поднабраться текущего жаргона западных грантодателей. А это действительно не так уж мало, учитывая, что к исходу 1990-х гг. западные правительства и фонды отчаянно хотели найти в Восточной Европе и в Третьем Мире какие-то примеры успеха своей деятельности по распространению рыночных реформ и норм демократии. Пусть у Грузии нет нефти, но еще до «революции роз» 2003 г., во второе пришествие Шеварднадзе, у грузин появилось правительство, успешно подающее заявки на гранты. Это позволило восстановить государственную власть, зримо воплощенную в грузинских солдатах в американской форме.

Заново набранные полицейские действительно перестали вымогать мелкие взятки на дорогах, поскольку теперь они получают относительно неплохие зарплаты за счет собранных налогов и иностранной помощи. Но в то же время, надо признать, «крутые» методы борьбы с преступностью и коррупцией граничили с садистской порнографией. В конечном счете именно это в сочетании со множеством политических ошибок стоило Саакашвили власти.

Последним в череде спасителей Грузии стал с виду совсем не подходящий на роль мессии персонаж – Бидзина Иванишвили, скрытный миллиардер из бывших колхозников, стяжавший свое состояние (по оценкам, вдвое превышающее бюджет страны) неясно каким путем в России в лихие девяностые годы. После краткого пребывания на посту премьер-министра и главы коалиции с не самым выразительным названием «Грузинская мечта», Иванишвили оставил при делах малоизвестных назначенцев и снова удалился в свой аляповато-постмодернистский дворец, ныне довлеющий над тбилисским ландшафтом.

Не столь удивительно, что на парламентских выборах в октябре 2016 г. вновь победила правящая «Грузинская мечта», так и не выказавшая за свой первый срок у власти сколь-нибудь внятной политической линии. Возможно, Иванишвили при его миллиардах действительно подкупил всех, кого надо было подкупить для полной победы. А может, большинству грузин просто надоели резкие движения. Куда удивительнее, что бывшая правящая партия, т. е. партия власти времен режима Саакашвили, не только выжила, но и уверенно заняла второе место на выборах, а сами выборы, судя по всему, во второй раз после смены режима в 2012 г. прошли по правилам. Следующие четыре года в политической истории Грузии приобретают тем более важное значение.

Ближайшие перспективы Армении и Азербайджана выглядят гораздо тревожнее. Падение цен на нефть

обнажило безоглядную амбициозность Баку в стремлении стать Дубаем на Каспии. Семейство Алиевых создало династический «султанистский» режим именно того помпезного и одновременно уязвимого типа, который, как показывает история, наиболее подвержен внезапным крушениям в моменты экономических неурядиц и потери престижа. Вероятная оппозиция режиму Ильхама Алиева также выглядит вполне знакомой по опыту Ближнего Востока: либеральная интеллигенция в столице; гораздо большая, но до поры непознаваемая исламистская оппозиция в пригородах столицы и провинциальных городах; и всевозможные недавние олигархи режима, которых в ходе интриг вытеснили из дворца. Добавим большую и богатую азербайджанскую диаспору в России, где алиевское всевластие на родине зачастую воспринимается узурпаторством.

Возможно, исходя из этих политических расчетов, в апреле 2016 г. президент Ильхам Алиев поставил на восстановление своего престижа в неожиданной атаке на армянские позиции в Карабахе. После четырех дней тяжелейших боев с применением дорогостоящей техники азербайджанская сторона продвинулась кое-где на несколько сотен метров — и объявила это победой.

Хотя армянские войска в целом удержали фронт, внезапный удар и потери повергли в шок армянское общество. Победа в Карабахе остается главным и практически единственным легитимирующим достижением независимой Армении. Для армян борьба за Карабах не территориальный конфликт, а национальная сверхзадача, компенсирующая неизживаемую травму турецкого геноцида 1915 г. Показное потребление правящих олигархов, очень быстро замечаемое в маленькой бедной стране, воспринимается вопиющим скандалом на фоне жертв среди бойцов на передовой. В результате возник колоссальный кризис доверия к властям. Население Армении стало политически довольно бесстрашным после всех политических потрясений и невзгод, пережитых

с 1988 г. В то же время, элита бывших карабахских командиров растратила легитимность после двух десятилетий монопольного распоряжения властью и ее плодами.

Нехватка в Армении существенной оппозиции переместила политические эмоции в Интернет. Однако Фейсбук силен как средство распространения прокламаций, но не выработки программ и тем более партийной координации, необходимой в политической борьбе. Напряжение достигло пика в июле, когда три десятка рядовых ветеранов Карабаха – точнее, харизматическая подпольная ячейка, состоящая из разочарованных добровольцев первой волны – захватила полицейский гарнизон в Ереване и объявила о начале национального восстания. Переворот изолированной ультрарадикальной группировки вполне предсказуемо провалился, хотя в течение двух недель на улицах Еревана возникали протесты и стычки с полицией. Президент Серж Саргсян смог воздержаться от массового кровопролития. И все же, погибло трое полицейских и один из протестующих, покончивший жизнь саможжением. Назначение в сентябре нового премьера, известного как деятельного прагматика, открыло последний клапан в политической системе Армении.

И все же у трех стран Южного Кавказа есть шансы избежать худшего. Сказать об этом также важнейшая и неотложная задача аналитика, именно потому, что страхи реальны, но и минувшие 25 лет многому научили нас.

Грузия, вполне возможно, выходит из дурного круговорота поиска мессий. Если в результате недавних выборов там возникнет действующая двухпартийная система, то становится возможна регулярная демократическая ротация и формирование более ответственных политических элит. Правители Азербайджана, обеспокоенные падением цен на нефть, непредсказуемостью своих турецких патронов и дерзкими действиями Москвы, еще могут попытаться заново легитимировать себя в новом качестве рассудительных

миротворцев – как в отношении оппозиции внутри страны, так и в карабахском вопросе. Режимы единоличной власти все-таки могут разворачиваться на месте, если только хватит смелости. Армения, которая выглядит сейчас в совершенно тупиковой ситуации на всех фронтах, может, наконец, встать на путь экономического развития. Редкое сочетание образованного и трудолюбивого, притом обедневшего населения на исторической родине и капиталов и связей армянской диаспоры давно напрашивается на запуск модели экспорт-ориентированного развития, столь успешно реализованной государствами и некогда бедной Восточной Азии, и Израиля.

Все это лишь скромные обнадеживающие наброски на ближайшее будущее. Избежать дальнейших катастроф можно; можно и необходимо лучше встроить Южный Кавказ в глобальное разделение труда – есть разные варианты периферийного капитализма. Время более смелых преобразований настанет с окончанием мирового постмодерна. Однако надо исходить из того, что политика уменьшения человеческой боли сегодня создает лучшие условия для выхода из постмодерна в будущем. А ведь он закончится.

Энергетика и протесты

Трехнедельное протестное противостояние на центральном ереванском проспекте имени маршала Баграмяна летом 2015 г. завершилось на смешанной горько-иронической ноте, будто из рассказов американо-армянского классика Уильяма Сарояна. Пока полицейские вытесняли с проезжей части разрозненные остатки юных протестующих и разбирали баррикаду из новеньких мусорных баков (которыми так гордилась мэрия), руководивший операцией полицейский чин отечески увещевал своих бойцов: «Поосторожнее, поосторожнее! Это ваши братья и сестры, они тут за всех нас протестовали». Столь необычные для полиции увещевания, тем более в присутствии телекамер, могли прозвучать циничным лицемерием, однако в армянском контексте это, наверное, не совсем так.

В первые дни протестов, вызванных неожиданным правительственным решением позволить российско-армянской энергетической монополии повысить расценки на бытовое электричество, мы записали характерный комментарий в толпе прохожих, с явным сочувствием, если не одобрением взиравших на то, как молодежь своевольно перекрывала движение на одной из главных улиц: «Такие романтические лица у этих ребят! Я и сам в 1988 г. устраивал голодовку протеста на том же самом месте. Ну, сами знаете, чем все это кончилось...» Тему того, чем «все это кончилось» на макроуровне (Неожиданно скорой национальной независимостью? Войной за Карабах? Последовавшей за ними разрухой?), мы не стали развивать, потому что интереснее нам показалась личная микро-траектория собеседника, который

представился полковником армянской армии. (Мужчина средних лет держался образцово подтянуто, но одет был в штатское.) Озорно прищурясь, он пояснил: «Как из протестующего студента я стал полковником? Вполне логично. Сначала бросил аспирантуру и вступил в незаконное вооруженное формирование. Когда незаконное вооруженное формирование одержало победу в войне, оно превратилось в законное вооруженное формирование — национальную армию. А там уже оставалось продвигаться по службе».

Трудная и кровопролитная война за Нагорный Карабах — населенную преимущественно армянами автономную область, в советские времена включенную в состав соседнего Азербайджана — привела к 1994 г. к тому, что армянские вооруженные силы де факто (но не де юре) присоединили сам Карабах плюс обезлюдившую буферную зону вокруг него, что составляет примерно одну пятую прежней территории Азербайджана. Вот уже четверть века армянские силы удерживают Карабах за глубоко эшелонированными линиями укреплений.

Тем временем Азербайджан, для которого возвращение утерянных территорий и месть армянам превратились в официальную идеологию, год за годом демонстративно тратил на закупку вооружений крупные суммы из своих нефтяных доходов, превосходящие весь бюджет Армении. В начале апреля 2016 г. это вылилось в попытку реванша на карабахском фронте и сотни новых потерь с обеих сторон в ходе ожесточенных четырехдневных боев, напоминавших окопные сражения Первой мировой. В итоге азербайджанским войскам, несмотря на фактор внезапности и перевес в дорогостоящих высокоточных вооружениях, удалось продвинуться на нескольких участках всего на несколько сот метров. Тем не менее армянское общество оказалось в шоке от возобновления войны и, по мнению многих армян, более всего от выявившейся коррупции и ротозейства в политическом и военном руководстве.